

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. №1
С. 251–253.

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРИЗНАКИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Н.В. Костюкович

Тверской государственный университет, г. Тверь

Смею высказать предположение, что ключевая идея – идея *рыночной экономики*, направлявшая развитие теоретических представлений в сфере хозяйственной деятельности на протяжении последних тридцати-сорока лет, завершает реализацию своих возможностей. За это время мировая экономика преодолела раскол на идеологически антагонистичные системы – капитализм и социализм, достигла рекордных темпов роста (свыше 3 процентов ежегодно), перешла в новое состояние. Практически все ведущие государства приняли в качестве цели развитие *предпринимательства*, а в качестве стимулов – механизмы *конкуренции за доход, прибыль, собственность и рынки*.

В экономической теории, следовавшей рыночной парадигме, сформировалось явное предпочтение *формально логического* подхода – в соответствии с указанием А.Маршалла не стремиться к раскрытию сущности экономических явлений, развивать суждения, не порождающие противоречия, легко выражаемые с помощью элементарных математических и графических моделей, соответствующих наилучшим – равновесным состояниям субъектов и рынков.

К настоящему времени основные рыночные механизмы (спрос, предложение, ценообразование) в рамках их формального понимания исследованы, результаты исследований широко задействованы в практике. Но достигнув глобального масштаба, и рынки, и рыночные механизмы дифференцировались на множество разнообразных форм и трансформировались, обретя новое, по сути, *противоположное качество*. Для исследования такого рода изменений инструментов формальной логики явно не достаточно, необходимо возвращаться к диалектике с её категориальным анализом, системным выяснением причинно-следственных связей и альтернатив, нацеленностью на раскрытие *сущности* новых явлений и направлений развития. В этом, вероятно, состоит общий смысл новой теоретической парадигмы в сфере хозяйственной деятельности. Его конкретизировать, по нашему мнению, можно, имея в виду следующее.

1. Изменение характера рыночных отношений. Теперь они не сводятся к купле-продаже продуктов и ресурсов человеческой деятельности, образуют глобальную, *многоуровневую*, горизонтально и вертикально интегрированную систему *инвестирования*, в которой основной целью служит не номинальная промышленная и (или) торговая прибыль (краткосрочная или среднесрочная, в валюте баланса), а реальное приращение капитала в самой стабильной, безинфляционной, мировой единице – *ликвидности*.

Маршаллианские «законы» спроса и предложения, служившие императивами поведения обычных продавцов и покупателей, доминировавшими в условиях прежних «потребительских» рынков, не определяют поведение ведущих инвесторов, играющих по другим правилам: купить то, что будет стоить дороже, и продать то, что будет дешеветь. Более девяти десятых глобального рыночного оборота теперь – такие,

инвестиционные, *игровые* рынки (валютный, фондовый и подобные им), которые не стремятся к равновесию и не помогают оптимизировать хозяйственную деятельность. Скорее они дезорганизуют движение ресурсов, подчиняя его прихотям всё более узкого круга крупнейших игроков, *управляющих* потоками денег и тем самым – потоками ресурсов, продуктов, информации и *правилами игр* на различных уровнях глобальной иерархии.

Экономической теории пора проститься с ролью апологетики рыночных отношений, современный характер которых начинает блокировать социально-экономический прогресс.

2. Изменение в системе общественных приоритетов, связанное с результатами НТР и происходящей информационной революцией, принявшей форму *цифровой глобализации*. От вопросов собственности, как формы присвоения вещественного фактора общественных отношений, научные интересы уже сместились к проблемам *управления* – комплекса взаимодействия теории с практикой её реализации в конкретных целях. Дело в том, что рынки (как и их субъекты), превратились из механизмов объективного, конкурентного отбора социально эффективных предпринимательских организаций и решений в *объекты управления* – как инструменты навязывания обществу товаров, идей, программ, ориентированных на результаты, соответствующие интересам тех или иных глобальных игроков-инвесторов.

Этих игроков более не интересуют ни потребности общества, ни материальная сторона капитала, предполагающая те или иные обременения. Они оперируют только ликвидностью – посредством сделок на цифровых биржах – электронных торговых площадках, действующих в сети Интернет. Реальная экономика и общество в такой системе – анахронизмы, без которых не представляется возможным обойтись лишь в силу временных, технических причин.

Как объект управления глобальными инвесторами воспринимается и экономическая наука, в том числе теория, действующая парадигма которой в полной мере их устраивает. Вопрос, однако, в том, устраивает ли такое положение научное сообщество?

3. В хозяйственной практике выжили *отношения, альтернативные рыночным*. Очевидно, что корпорации, в которых сосредоточена большая доля современных производительных сил, работают не столько *на рынки*, сколько *по планам* – целевым программам, разрабатываемым на основе изучения спроса и логистических процессов. Даже такие рыночные структуры, как биржи, обеспечивают теперь выполнение этих программ с помощью контрактации – сделок с будущими, планируемыми к производству товарами (фьючерсами) и необходимыми ресурсами.

Мировой рынок, превратившийся в единую биржевую систему, таким образом, маскирует сложившееся, в сущности, планомерно устроенное производство и распределение экономических благ в интересах узкого слоя глобальной олигархии, подчиняющей себе политические высоты и потоки массовой и научной информации. Это фактически «коммунизм», построенный для этого слоя за счёт остального населения планеты, применяемого в качестве переменного фактора производства – по мере производственной надобности.

4. Научное сообщество может продолжать содействовать развитию такого миропорядка – или противопоставить ему иную модель, учитывающую объективные реальности и тенденции развития. Особую сложность может

представлять моделирование переходного состояния экономики и общества (для которого необходимы немалые затраты творческих сил лучших теоретиков и финансовых средств), учитывая абсолютный контроль олигархического слоя над денежной ликвидностью.

5. Существуют научные *позиции, альтернативные действующему экономическому мейнстриму*, комбинирующему маржинализм (неоклассическую методологию) с элементами кейнсианства, монетаризма и либерального институционализма. Научная альтернатива в данном случае означает не полное отрицание, а скорее, расширение трактовок явлений, выход за рамки узких, односторонних представлений.

К примеру, это понимание того, что предельная полезность блага, при его увеличении, не обязательно убывает, но может и возрастать, как замечает Р.Нуреев. Если убывание предельной полезности характерно для благ частных, к которым относятся обычные, потребительские товары, то для общественных благ, выступающих противоположностью частным благам, резонно говорить о том, что их предельная полезность становится тем выше, чем сильнее возрастает их объём.

В современной экономике назрели кардинальные переоценки многого из того, что официальной наукой считается негативным (централизованное управление, формирование институтов сотрудничества в противовес конкуренции, дефляция и т.д.), нежелательным (снижение нормы прибыли, повышение курса национальной валюты) или нереальным (снижение безработицы ниже естественного уровня, тем более при одновременном повышении покупательной способности денежной единицы).

Особо значимым представляется появление криптовалют – принципиально нового вида ликвидности, обладающего очевидными преимуществами перед деньгами. *Криптономика* – общественная форма хозяйства, основанная на обращении криптовалют, может стать в обозримой перспективе реальной альтернативой современному рыночному «денежному миру», пребывающему в фазе олигархического «капитализма-коммунизма». Научное сообщество может оказать содействие такому развитию криптоиндустрии, при котором олигархические структуры лишились бы контроля над потоками ликвидности, развитием науки и общества.

6. В России рыночная парадигма утвердилась позже, чем в остальном мире, в практике была реализована с опозданием и едва ли не худшим образом. Отход от неё в сторону более прогрессивных представлений был бы логичен и содействовал бы восстановлению позиций отечественной науки, некогда передовых, особенно в сфере фундаментальных знаний.

Самое важное, однако, состоит в том, что только новая парадигма, включающая идеи *эффективного управления и сотрудничества* на различных уровнях социально-экономической системы, позволит стране и миру *избежать разрушительных конфликтов*, практически неизбежных при переходе мировых рынков в олигополистическое состояние. Формирование и продвижение такой парадигмы – важнейший фактор глобальной стабильности, без представления о которой бессмысленны какие-либо рассуждения о современной экономике.

Об авторе:

КОСТЮКОВИЧ Николай Витальевич – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет, e-mail: nktv54@mail.ru